



Ольга ПАНОВА

ЭКСПЕРИМЕНТ

Ольга Панова

Эксперимент

«Автор»

2015

Панова О. Е.

Эксперимент / О. Е. Панова — «Автор», 2015

Аннотация: Эта история произошла в далеком 1992 году. Группа ученых выдвинула теорию, что человек, полностью лишенный чувств и стимулов из внешней среды, сможет ощутить присутствие Бога. Они полагали, что пять чувств блокируют наше осознание вечности, и без них человек сможет действительно установить мысленный контакт с Богом. Лишенная возможности общаться и даже ощущать внешний мир Мария остается наедине со своими мыслями.

© Панова О. Е., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Панова

Эксперимент

Глава 1

Откинувшись во вращающемся кресле из темно-бордовой кожи, Вадим Николаевич задумчиво курил сигару. Он размышлял о предстоящей встрече, глядя как белые кольца дыма медленно поднимаются вверх. Это невероятно успокаивало. Казалось, время остановилось.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь. Послышались торопливые шаги по коридору. Они приближались. Затем раздался стук в дверь.

Вадим Николаевич бросил быстрый взгляд на настенные часы. Было ровно девять утра. Между тем, стук в дверь повторился.

– Входите, – Вадим Николаевич потушил сигару о край пепельницы и посмотрел на входящего, – вы как всегда вовремя, голубчик. Присаживайтесь.

Тот коротко кивнув, сел на стул напротив стола. Прежде чем начать разговор, Вадим Николаевич оглядел гостя.

Как всегда взъерошенный, усталый вид. Старомодный серый костюм с едва заметным пятном на лацкане. Круги под глазами от постоянного недосыпа. Да уж, этим утром его помощник выглядел не лучшим образом.

Вадим Николаевич поднялся с кресла и, протянув руку для рукопожатия, поприветствовал гостя.

Затем направился к двери. Одним рывком распахнул настежь и заглянул в длинный коридор. Никого. Успокоившись, тихо закрыл дверь и повернул ключ. Так никто не сможет им помешать обсудить крайне важный вопрос. Весьма важный.

– Итак, вы все-таки решились, – он подошел к серванту и налил воды себе и гостю, – признаться честно, я до последнего сомневался в вас. Думал, не решитесь, Иван Григорьевич.

– Я тоже думал, что не приду. Уж очень велика ответственность.

– И, тем не менее, вы здесь. Теперь назад пути уже нет. Ничто не может нам помешать осуществить задуманное. Ничто и никто. Иначе нам путь заказан. Вы понимаете это?

Иван Григорьевич кивнул в ответ. Еще бы ему не знать об этом. Всю ночь он не сомкнул глаз. Всю ночь обдумывал предстоящий эксперимент. Всю ночь думал о тех последствиях, которые могут его ожидать, если эксперимент провалится.

Поставив перед гостем наполненный стакан воды, Вадим Николаевич продолжил:

– Признаться, я тоже не сомкнул глаз. Да и как тут уснешь, когда наше братство возложило на нас с вами такую ответственность.

Он устало взъерошил волосы и одним залпом осушил свой стакан. В ответ Иван Григорьевич лишь устало пожал плечами:

– Это наш с вами долг перед братством. Таким образом мы докажем свою преданность общему делу. И если уж совсем начистоту, у нас с вами есть реальный шанс прославиться. Да, да, – он устало улыбнулся, – признаться, эта мысль греет мне душу с самого начала. Иначе бы я не согласился на это безумие. Придумал бы как соскочить, уж поверьте.

– Ну, коли так, то я думал о нечто подобном, – Вадим Николаевич поставил пустой стакан на край стола и направился к своему креслу, – хотя в случае успеха, а я в нем даже не сомневаюсь, вероятность того, что о нас с вами напишут в газетах, ничтожно мала. Ведь сами знаете, в какое время мы с вами живем. Что не так, то сразу к стенке.

– По мне, уж лучше быть преданным братству. Они своих не бросают. Даже если наш великий эксперимент провалится, будьте уверенным, они нас не бросят. Подчистят все концы так, что искать будут, а все равно ничего не найдут.

– Вы правы, – Вадим Николаевич медленно опустился в кресло и, взяв в руку очередную сигару, продолжил, – члены нашего братства поклялись, что ни одна душа не узнает о том, что должно произойти в стенах этого здания. Даже в случае успеха. Никогда.

Гость слабо улыбнулся:

– Да, но вы не учли тот самый факт, что у испытуемых имеются близкие родственники и, наверняка, они что-нибудь пронюхают.

– Можете не беспокоиться, голубчик, у наших испытуемых никого нет. Мы специально отобрали тех, у кого нет близких родственников и даже друзей. Эти люди совершенно одинокими. И даже если кто-то объявится, братство сделает все возможное, чтобы замая инцидент. Меня уверили, что все полностью под контролем. Нас с вами это ни в коем случае не должно беспокоить.

Он замолчал. Глядя на сигару в руке, он вдруг подумал о том, каким образом информация о предстоящем эксперименте может просочиться за пределы клиники. Все медики, что работают в клинике, они могут предать. В тот же миг одернул себя. Все работники больницы – свои люди. Среди персонала нет посторонних. Тем более, что в эксперименте будут участвовать двое. Реаниматолог и психиатр. Уж в них Вадим Николаевич никогда не сомневался.

– Я распорядился, чтобы для эксперимента был выделен пятый корпус.

– Но ведь, насколько мне известно, там пребывает не меньше десятка больных. Как вы намерены с ними поступить?

На лице главврача заиграла улыбка:

– Не волнуйтесь, Иван Григорьевич, они останутся живы, – глядя на вытянувшееся лицо собеседника, продолжил, – шутка. Еще вчера вечером их перевели вместе с персоналом в восьмой корпус. Там как раз освободились места.

Поискав среди вороха бумаг на столе маленькую гильотину для сигары, Вадим Николаевич продолжил:

– Я выбрал пятый корпус чисто из-за удобного расположения. Как вам известно, он находится едва ли не на отшибе территории клиники. К нему есть подъездной путь, а это как нельзя кстати. Дорога закрыта зеленью деревьев, а значит, никто не сможет видеть, как кто-то приезжает к корпусу и уезжает. Это просто огромный плюс для всех нас.

Иван Григорьевич придвинул к себе стакан. Мысленно представляя картину предстоящего, он прикидывал все «за» и «против». Казалось, все продумано до мелочей.

Ведь в пятом корпусе имеется все необходимое для предстоящего эксперимента. На первом этаже смотровая, операционная, комната для обработки инструмента и санитарная. Весь второй этаж занимают пара кабинетов для врачей и не меньше пяти палат для больных. И самое главное, что есть в пятом корпусе, это «комната тишины». Она как ничто лучше подходила для самой важной части эксперимента.

Находясь в ней, человек мог кричать как угодно громко, его никто и никогда не мог слышать. Ею часто пользовались врачи, когда хотели усмирить наиболее шумных пациентов. Это было негуманно по отношению к ним, но весьма действенно. Об этой комнате мало кто знал. Ею пользовались в крайних случаях, а их в стенах этой клиники было немало.

От воспоминаний Иван Григорьевич тряхнул головой, как бы избавляясь от мыслей. Сейчас они только мешали. Он поднял стакан и сделал несколько глотков.

Вадим Николаевич закурил сигару.

– На данный момент времени уборка пятого корпуса завершена. Часть палат будут заперты на ключ. Я распорядился, чтобы палата номер три была открыта для наших испытуемых. Там четыре кровати. Думаю, этого им будет достаточно.

– Почему именно палата номер три? Ведь это самый угол, первая, как мне кажется, подходит гораздо лучше. Она прямо у лестницы, напротив выхода.

– Палата номер три расположена таким образом, что если кто посторонний попадет случайно в корпус, то не сможет сразу наткнуться на наших испытуемых. Они будут скрыты в глубине корпуса. В конце коридора, – Вадим Николаевич откинулся в кресле, – и потом, ее окна выходят напрямиком на парк. Испытуемые не смогут видеть дорожку к корпусу и остальные постройки клиники. Им ни к чему знать лишнего. Пусть сидят себе и ждут своего часа.

– Смею надеяться, что наш эксперимент продлится быстрее запланированного. Хочется поскорее закончить.

Вадим Николаевич удивленно вскинул брови:

– Вам не терпится увидеть результат? Признаться, в свою очередь меня будоражит мысль от предстоящего процесса. Именно самого процесса. Не то, чем все закончится. Ведь каждый наш малюсенький шагок впоследствии может быть рассмотрен миллионами тех, кто захочет повторить наш эксперимент.

От этих слов у собеседника волосы на затылке встали дыбом:

– Вы думаете, желающих совершить подобное будет немало?

– Я уверен в этом, – Вадим Николаевич посмотрел на тонкую струйку дыма от сигары, – по-другому и быть не может. Я лично буду записывать все действия хода операции. Поминутно и даже посекундно. Аккуратно запишу все, что будет происходить в стенах пятого корпуса. А когда все закончится, передам отчет лично в руки главе нашего братства. Признаться, коллега, я ни на секунду не сомневаюсь в успехе нашего предприятия.

Он вставил сигару в зубы и поднялся с кресла. Часы на стене показывали половину десятого. Время близилось. Скоро должна была приехать машина с испытуемыми. Оставалось не так много времени до начала эксперимента.

Вадим Николаевич обошел стол и направился к окну. На широком подоконнике стоял горшок с геранью. Он взял миниатюрную лейку, что стояла на полке слева, и стал поливать цветок.

– Ваша задача, Иван Григорьевич, ассистировать мне во время операции. Поскольку вы не раз это делали, то проблемы никакой нет и быть не может. Ваша первостепенная задача во всем этом – следить за испытуемыми на протяжении всего эксперимента. Начиная от их самочувствия и заканчивая белизной воротничков. Они должны быть чистыми, здоровыми, эмоционально стабильными и полностью открытыми. Безоговорочно вам доверять. Не только как врачу, но и как человеку глубоко верующему. Мы должны видеть и понимать, как будет меняться их эмоциональный фон. Поэтому, – он повернулся с лейкой в руке и внимательно посмотрел на собеседника, – я пригласил нашего коллегу, отличного психиатра, которому я полностью доверяю – Козырева. Братство одобрило его кандидатуру. Поэтому, вместе с ним, ровно в десять часов встретите машину с испытуемыми.

– Полностью поддерживаю. Он отличный врач и умеет держать язык за зубами.

– Да, мы все в нем уверены. Козырев сейчас находится в пятом корпусе и ждет ваших указаний. Можете распоряжаться им, как будет угодно. Главное – чтобы наше общее дело протекало именно так, как мы рассчитываем.

Иван Григорьевич отодвинул стакан воды и посмотрел на наручные часы. Время шло. Однако, он решил задать еще один вопрос, который был не менее важным для него:

– Вадим Николаевич, как вам известно, я живу на другом конце города, и добираться до клиники мне крайне проблематично. Могу я воспользоваться служебным автомобилем?

– Что вы, голубчик, – он поставил лейку на место и вынул сигару изо рта, – на время эксперимента вы остаетесь здесь, в клинике. Я уже распорядился. Вам выделяют палату номер два, рядом с палатой номер три. Таким образом, вам не стоит беспокоиться об опозданиях на работу. И потом, так вам будет удобней следить за чистотой эксперимента.

– Да, но мои близкие. Что я им скажу? Как объясню свое отсутствие?

– Очень просто, скажите им, что я направил вас в командировку, например, в Иркутск. И вообще, это последнее, о чем стоило бы беспокоиться.

– Я полагаю, никаких звонков близким?

– Постарайтесь исключить. Вам не стоит распыляться на лишние проблемы. Это ни к чему. Вы должны быть максимально собраны. Поэтому, сегодня, когда все приготовления будут окончены, а испытуемые займут свою палату, вам следует хорошенько выспаться. Да, да, я настаиваю. Не хотелось бы, чтобы вы уснули во время операции.

– Кстати, об операции, – Иван Григорьевич поднялся со стула, – на который час она назначена?

– Операция состоится завтра ранним утром, ровно в шесть утра, – глядя, как врач направляется к двери, Вадим Николаевич поспешил открыть замок, – и еще одно...

Он вставил ключ в скважину. Затем, не отрывая глаз от уставшего лица Ивана Григорьевича, тихо сказал:

– Вы приглядитесь к каждому из испытуемых. Возможно, кто-то из них уже давно передумал и не хочет участвовать в эксперименте. Если такой найдется, тогда его следует сразу развернуть на пороге и отправить назад. Пусть с ним разбираются члены братства. Нам лишние свидетели ни к чему. Повторяю, если заметите хоть каплю сомнения.

– Сколько их всего человек?

– Трое. Восьмидесятилетняя старуха, тридцатилетний калека, побывавший в Чечне, и молодая особа. Если мне не изменяет память, ей двадцать восемь лет. Больше всего я сомневаюсь именно в ней. Хотя, черт его знает. Подключите Козырева, пусть поможет определить.

– Я все понял, Вадим Николаевич, можете не сомневаться. Все сделаю, как надо. Ну, я пошел?

Он обернулся к двери. Вадим Николаевич повернул ключ в скважине и распахнул наконец дверь. Быстро похлопал его по плечу и проводил в коридор.

– Ну, с Богом!

Иван Григорьевич лишь коротко кивнул в ответ и быстро зашагал по коридору к выходу. Необходимо было все продумать до мелочей, а времени катастрофически не хватало. Еще этот дурацкий недосып, будь он не ладен.

Глава 2

Ровно в десять часов к воротам клиники подъехал белый автомобиль. Водитель отключил двигатель и вышел из машины. Необходимо было вынуть багаж и инвалидную коляску.

Медленно отворилась передняя дверца, и из машины вышла высокая, элегантно одетая пожилая женщина. В руках ее был небольшой саквояж и трость.

Она не спеша огляделась и направилась к кованым воротам. Следом за ней из машины вышла стройная девушка в черном платье. Белокурые волосы были убраны в строгий пучок. Она быстро поправила складки юбки и, оглядевшись, стала наблюдать за водителем.

Тот уже успел вынуть из багажника две дорожные сумки и теперь раскладывал коляску.

– Вам помочь? – ее голос звучал неуверенно.

– Нет, я справлюсь.

Водитель поставил коляску напротив двери. В следующую минуту распахнул дверцу автомобиля и помог выбраться третьему пассажиру.

Это был мужчина лет тридцати, без обеих ног и левой руки. Водитель, немного помаявшись, все-таки усадил его в коляску.

– Спасибо, но дальше я сам.

Калека направил свою коляску к женщинам, что ожидали его у ворот. Пожилая дама и девушка молча смотрели на то, как водитель захлопнул дверцу автомобиля и, взяв сумки, направляется к ним.

– Ворота заперты, но у меня есть ключ.

Он поставил сумки на землю и порылся в кармане. Пока мужчина открывал замок, все трое прибывших огляделись.

За воротами, в гуще деревьев, стояло двухэтажное кирпичное здание. Весьма мрачное и какое-то неуютное. К крыльцу вела каменная дорожка. Никаких клумб и цветов. Только стриженный газон. На крыше – две дымовые трубы. На окнах – решетки. Входная дверь из черной стали.

Водитель, наконец, справился с замком. Все четверо вошли на территорию клиники. Только сейчас они заметили табличку, надпись на которой гласила: «Психиатрическая клиника».

Послышался лязг замков. Черная дверь медленно отворилась, и на пороге здания появился невысокого роста, коренастый мужчина в белом халате.

Он устало поприветствовал прибывших. Кивнул водителю, чтобы он мог ехать, и наконец, произнес:

– Меня зовут Иван Григорьевич, я ваш врач. Вы можете обращаться ко мне по любому поводу и в любое время. Я вместе с вами буду находиться здесь, вплоть до того момента, как эксперимент будет закончен.

Все молча кивнули. Мужчина продолжил:

– Отныне вы будете проживать в этом здании. Вам запрещается покидать его пределы. Никаких прогулок по парку и его окрестностям. Никто не должен вас видеть. Итак, сейчас мы с вами войдем внутрь. Поскольку не все могут передвигаться самостоятельно, то мне понадобится некоторая помощь.

За его спиной послышались тяжелые шаги. В дверях показался еще один врач. Крепкий мужчина лет сорока пяти. С густой шевелюрой и аккуратной бородкой.

– Знакомьтесь, это Козырев, психиатр.

Женщины кивнули и молча вошли в здание. Козырев поднял сумки, одновременно с тем, вместе с Иваном Григорьевичем, вкатили коляску. Дверь за ними медленно закрылась.

Глава 3

Отведенная им палата была светлой и довольно-таки просторной. Кафельный пол и стены. Окна выкрашены белой краской. Железные решетки – единственное, что бросалось в глаза.

Четыре кровати. Две вдоль стены, одна у окна и четвертая сразу у двери.

Никаких тумбочек и шкафов. Пришлось бросить свои вещи на свободную кровать у двери, которую никто не выбрал.

Пожилая женщина выбрала койку у окна. Она по-хозяйски поставила свой саквояж на самый край. Скинула с себя шелковый шарф и устало опустила на подушку.

– Все бы ничего, но мне ужасно хочется чаю. Такого светлого, с двумя кусочками рафинада. Я всегда такой завариваю.

Она закрыла глаза и потерла виски. Наверное, у нее болела голова. А может это сказывался возраст.

Девушка выбрала койку в углу. Сразу расстелила свежую простынь, наволочкой обернула подушку и расстелила одеяло.

Дверь снова открылась, и в палату въехала коляска. Следом вошел Козырев с двумя сумками, которые поставил у входа.

– Если нужно, вам принесут шкаф и тумбочки.

– Да уж, принесите, – отозвалась старуха, – а то расческу некуда положить. Могли бы догадаться раньше.

Врач не обратил на ее комментарии ни малейшего внимания.

– Душ и уборная прямо по коридору. На них соответствующие таблички. В соседней палате вы всегда можете найти нас с Иваном Григорьевичем. Вы пока располагайтесь. Собрание проведем минут через пятнадцать.

Сказав это, он вышел за дверь. Все трое переглянулись. Хотя волноваться было не о чем, легкая нервозность присутствовала.

– Вам помочь? – девушка обратилась к мужчине в коляске.

– Нет. Я сам. Думайте лучше о себе. Я хоть и калека, но могу сам за собой поухаживать, – и он демонстративно отвернулся.

– Не слишком-то любезно, – вмешалась старуха.

– Я сюда приехал не дружбу заводить, – огрызнулся калека. – Мне незачем быть любезным с вами.

– Это, дорогой мой, не любезность, – продолжила женщина, – это воспитание.

В ответ он только что-то буркнул себе под нос. Она взяла трость и немного облокотилась о нее. Видимо так было комфортнее.

– Настало время нам всем познакомиться. Согласитесь, в машине невозможно это было сделать так, как подобает. Итак, – она оглядела присутствующих и, наконец, представилась, – меня зовут Валентина Константиновна, но вы можете ко мне обращаться по имени. Мне так удобней. Теперь вы.

Она посмотрела на калеку. Какое-то время он молчал, но затем все-таки представился:

– Данил.

– Очень хорошо, Данил, – женщина улыбнулась, – сколько вам лет?

– Тридцать два года.

– Вы женаты?

– Нет, – ее вопросы еще больше раздражали его. – Я не женат и не собираюсь. И вообще, оставьте меня в покое.

Он развернул свою коляску в сторону. Демонстративно одел наушники и включил плеер.

– Надо же, какой нервный, – женщина пожала плечами.

Теперь внимание ее переключилось на девушку в углу.

– А как вас зовут, милое создание?

– Мария.

– Я бы дала вам не больше двадцати.

– Двадцать восемь, – ответила она, рассматривая свои пальцы рук.

– Очень интересно. Мне семьдесят восемь лет. Почти восемьдесят. Как я себя называю втихаря – старая черепаха Тортилла. Отжила свое. Много чего в жизни видела, много чего знаю и понимаю. Но вот сейчас, глядя на вас, детка, я никак не возьму в толк. Отчего вы среди нас? Что вас побудило участвовать в этом страшном эксперименте?

Девушка молчала. Старуха не унималась:

– Я больше никогда не буду молодой. Живу в ожидании заката своей жизни. В свою очередь Данил... Его тоже могу понять. Он взрослый мужчина, побывавший на войне. Без руки и ног, не видит смысла в своей жизни. Думает, что никому больше не нужен. Калека. Ну а ты? Почему ты здесь? Объясни.

Валентина внимательно смотрела на девушку.

– Мне нечего вам ответить, – Мария, наконец, подняла покрасневшие глаза, – по крайней мере, не сейчас. Прошу вас, не расспрашивайте. Не отвечу.

Валентина лишь непонимающе пожала плечами.

– Ну, не знаю, что и думать. Все-таки по мне, так вам нужно замуж, милочка, и детей рожать здоровеньких.

Она притянула к себе саквояж. Вынула из него колоду карт и стала тасовать. Пока Валентина раскладывала пасьянс на своей кровати, Мария прикрыла глаза и откинулась на подушку.

Все трое хранили молчанье. У каждого из них был повод попасть в эти стены. Каждый из них добровольно выбрал этот путь – пошел на эксперимент. Хотя у них было достаточно времени обдумать, никто так и не отказался от своего решения. Все трое – сейчас и здесь – находились в здании клиники.

В дверь постучали. На приглашение войти дверь распахнулась, и в палату вошел Иван Григорьевич, сжимая серую папку. Следом за ним вошел Козырев. В руках он держал тумбочку:

– Кому поставить?

– Мне, – Валентина указала на свободное место подле своей кровати, – вот сюда ставьте.

Пока Козырев возился с тумбочкой, Иван Григорьевич сел на свободную койку и начал разговор:

– Итак, прошу вашего внимания.

Он демонстративно посмотрел в сторону Данила. Тот выключил свой плеер и снял наушники.

– Еще раз вас приветствую в стенах нашей клиники. Вы все – добровольцы. Как я полагаю, знаете о сути нашего эксперимента. Если нет, тогда разьясню. У каждого человека имеется пять чувств. Мы с коллегами полагаем, если лишить испытуемого полностью всех ощущений и стимулов из внешней среды, то он сможет ощутить присутствие Бога. Полагаем, что пять чувств блокируют наше осознание вечности. Без них человек сможет действительно установить мысленный контакт с Богом. Так считаем мы, врачи, и наше братство нам доверяет. Братство ожидает от нас результатов. Назад пути ни у кого из вас нет. В случае летального исхода эксперимента, ваше тело будет кремировано, а урна с прахом передана членам братства для захоронения.

Не скрою, мы с коллегой, – он указал на Козырева, – весьма удивлены, что испытуемых набралось, аж, трое человек. Признаться честно, мы рассчитывали только на одного. Поэтому, считаю нужным разьяснить о дальнейших действиях.

Иван Григорьевич сделал паузу, в ходе которой открыл папку и посмотрел на содержимое.

– Валентина Константиновна, судя по всему, вы – наш первый кандидат. Судя по анализам и рекомендациям врачей, вы абсолютно здоровы. Мечта, а не пациент.

Женщина отложила карты и улыбнулась:

– Я сказала то же самое.

– Не сомневаюсь, вы один из самых верных членов нашего братства. Целиком и полностью верите в наше общее дело. Полагаю, полностью готовы к эксперименту?

– Можете не сомневаться и полностью на меня рассчитывать.

Врачи переглянулись. Что-то их смущало.

– Валентина, – он продолжил, – как насчет сердца? Беспокоит?

– Нет, я полностью здорова. Перед тем, как к вам отправиться, я прошла полную проверку. Ничего серьезного врачи не нашли.

– Да, я вижу, – Иван Григорьевич снова посмотрел на бумаги, – ну что ж, мне все понятно относительно вас. Поскольку вы первая, операция назначена на раннее утро. Ваша задача – хорошенько отдохнуть, выспаться. Почитайте книжицу, примите душ и ложитесь пораньше спать. Никаких грустных мыслей и переживаний.

– Позвольте, – его перебил громкий бас Данила. – А как же мы? Хотите сказать, что мы приехали сюда напрасно?

– Отнюдь, – доктор перевернул несколько листов и проговорил, – еще никто не проводил подобных экспериментов. Если хотите, еще ни один ученый врач не рискнул пойти на то, на что решились пойти мы. Мы первые, кто отважились на это. Посему, ни я, ни мой коллега не знаем, как может пройти операция. Может случиться так, что первый опыт закончится неудачно, тогда вы пойдете следующим. Данил, вы у нас на очереди номер два. Об этом вас уже предупреждали.

Данил кивнул и немного успокоился. В разговор вступил Козырев:

– Мне поручено наблюдать за вами. Если я замечу какие-либо отклонения в вашем поведении или самочувствии, то буду вынужден сообщить руководству. Если они посчитают это важным, то вас исключат из эксперимента. Поэтому мой вам совет: не нервничать и не накалять обстановку. Вам ясно, Данил?

Тот лишь коротко кивнул в ответ.

– Очень хорошо, что все всё понимают.

Иван Григорьевич продолжил:

– Ну и последний испытуемый в нашем коротком списке – это Мария.

Все посмотрели на девушку в углу. Вся в черном одеянии, бледная как смерть. С покрасневшими глазами. Она выглядела не самым лучшим образом.

– Боюсь, при такой конкуренции до вас, моя милая, очередь не дойдет. Поэтому можете расслабиться и поразмыслить о дальнейшей своей жизни.

– Я все-таки не отступлюсь. Буду настаивать на эксперименте. Мне нечего больше терять. Даже жизнью своей не дорожу. Настаиваю на том, чтобы вы взяли меня самой первой.

Козырев скрестил руки на груди и нахмурил брови:

– Если у вас депрессия, то это вопрос ко мне.

Она замотала головой:

– Нет у меня никакой депрессии. Просто я так хочу. Это очень важно для меня.

– Тем не менее, вы будете последней на очереди.

Козырев отступил от тумбочки, направляясь к двери. По ходу пригласил Данила следовать за ним.

– Необходимо измерить ваше давление. И кстати, – он обращался ко всем остальным, – через двадцать минут будет готов поздний завтрак. Столовая справа по коридору.

Когда врачи вместе с Даниилом покинули палату, девушка придвинула к себе подушку с твердым желанием лечь и уснуть.

Валентина наоборот. Настроение у нее было приподнятым. Она даже что-то напела себе под нос. Взяв с кровати саквояж, вынула из него белую кружку и небольшую ложечку.

– Эта кружка приносит мне удачу, – она закрыла саквояж и поставила его в тумбочку, – лет двадцать назад мне подарили ее коллеги. Когда я пью из нее чай, то успокаиваюсь.

Она покосилась на кровать, где лежала Мария. Девушка не была расположена к разговору. Казалось, она спит.

Валентина опустила на край кровати и вдруг сказала:

– Я не знаю, что произошло в твоей жизни. Вероятно нечто ужасное. После чего ты решила поставить жирную точку на своем будущем. Боюсь, что ты совершаешь громадную ошибку. И врачи правы, что дают тебе шанс быть третьей. Надеюсь, к тому времени они не будут нуждаться в тебе или, я надеюсь, конечно, ты передумаешь.

– Мы не можем отступить назад или вы забыли?

Девушка перевернулась на бок, продолжая сжимать подушку. Волосы спутались, и пряди волос торчали во все стороны. От этого она казалась еще моложе и беззащитней.

В ответ Валентина лишь мягко улыбнулась. Радовало, что Мария пошла на контакт, и она продолжила все тем же тоном:

– Поверь моему опыту, милочка, безвыходных ситуаций не бывает. Трудности всегда оказываются временными и рано или поздно заканчиваются. После самой жуткой бури всегда светит солнце и рассеивает тьму. Жизнь не раз мне это доказывала.

Мария молчала. Тогда женщина решила рассказать ей одну историю.

– Одна моя знакомая, с двумя детьми. Звали ее Ирина. Почему звали, зовут. Она до сих пор жива и здоровствует. Так вот. История приключилась, когда ей было двадцать семь лет, и на тот момент она только-только развелась. Деткам было два и четыре года. Оба ходили в садик. Поскольку Ирина была обременена маленькими детьми, то на работу ее никто не хотел брать. Работодателей приводила в ужас мысль, что дети будут без конца болеть, и им придется оплачивать больничные. Время шло, а жить на что-то было необходимо. Она приняла отчаянное решение – открыть свое небольшое дело. Ирина рассудила так: свой бизнес полностью зависит от принятия собственных решений. Значит, чем выше будешь ставить планку, тем больше будет прибыль. Все в твоих руках. Недолго думая, она оформила кредит и взялась за открытие маленького магазинчика. Естественно, ее подруги всячески подбадривали. Говорили, что теперь-то Иришка заживет и наконец-то разбогатеет. Кто-то даже хотел войти в долю и открыть филиал. Однако, спустя какое-то время, когда магазин уже работал, Ирина вдруг поняла, что все деньги, которые она зарабатывает, уходят на оплату аренды и закуп товара. На руках остаются сущие копейки.

Еще, не мало важно, необходимо было платить за кредит. Сумма, скажу, немаленькая.

Так, в общей сложности, Ирина с самого утра и до позднего вечера пропадала на работе. На детей уже не оставалось никакого времени. Поэтому ими занималась ее мать. Ирина пыталась советоваться с друзьями. Нужен был совет, как поступить с оплатой кредита. Кто-то посоветовал взять еще один кредит и расширить ассортимент магазина. Мол, дела пойдут в гору. Так она и поступила.

И вот теперь у нее на руках был не один, а два кредита. Как раз грянул кризис. Люди стали меньше совершать покупок. Доходы населения упали. Прибыль снизилась. В общем, как она не старалась, а медленно, но верно, погружалась в долги.

Все чаще друзья оказывались занятыми, старались избегать с ней встречи. Словно она была прокаженной. То ли боялись, что она попросит в долг, то ли просто не хотели выслушивать ее просьбы о помощи. Пока в один прекрасный день совсем перестали брать трубку.

Так, наша героиня осталась одна со своими проблемами. Обратиться было не к кому. Никто не собирался помогать, как ты понимаешь. Так вот. Ирина, вопреки всему, стойко надумала свою проблему решить. Другая на ее месте, наверное бы, не выдержала. Опустила руки. Но Ирина была очень сильным человеком.

Для начала, она дала объявление о продаже своего бизнеса. Спустя неделю появился реальный покупатель, у которого были деньги не только на покупку магазина. Но и на раскрутку, и на рекламу. Рассчитавшись с кредитами, Ирина поняла, что ничего не приобрела. Осталась на том же уровне, что и до открытия магазина.

Поразмыслив немного, она подает следующее объявление. Только на этот раз, предлагая услугу по открытию магазина, что называется «под ключ».

С этого момента ее дела пошли на лад. Как ты понимаешь, с друзьями она порвала всяческие отношения. Появились новые знакомые. Через полгода она купила машину и подумывала поменять квартиру. Вот это я понимаю, человек сам нашел выход из сложной ситуации. Главное – не паниковать и включить голову.

Мария отбросила подушку и приподнялась с кровати:

– Мне понятна история вашей знакомой. Но вы ничего не говорите про себя. Отчего вы приняли решение участвовать в этом жестоком эксперименте?

Валентина лишь пожала плечами и, отвернувшись, посмотрела в окно:

– Я прожила весьма счастливую жизнь. У меня было все, вот только не было детей. Виной всему – ранний аборт. Несмотря на все попытки исправить ситуацию, ничего не вышло. Мой муж ушел из жизни десять лет назад. Мы были очень счастливой парой, – ее голос дрогнул, – и вот, наконец, когда я осталась совсем одна, то подумала о том, что очень сильно боюсь смерти. Боюсь, слабо сказано. Как представляю, что меня больше никогда не будет, совсем, совсем. Мне становится страшно. Неужели никогда я больше не увижу света и это солнце. Ведь такого не может быть. Поразмыслив немного, я пришла в наше братство. Там обрела духовного учителя, наставника, который успокоил. Он смог убедить меня, что жизнь не заканчивается смертью. Наоборот, со смертью все только начинается. Ведь жизнь дается нам лишь для того, чтобы стать лучше и чище. Мы должны научиться любить. Тогда и только тогда мы будем ближе к Богу. Я приняла это, и моя жизнь изменилась. Теперь смерть для меня не так страшна. Ведь что такое смерть? Всего лишь мгновение. Миг.

Валентина посмотрела на девушку:

– Я решилась на эксперимент только ради себя самой. Мне очень хочется удостовериться, что Бог действительно есть на свете. Что он есть любовь и прощение. Что после смерти есть новая жизнь, – затем она улыбнулась, – только это строго между нами. Я не хочу, чтобы братство усомнилось во мне.

После этих слов она грациозно поднялась с кровати и, взяв в руки трость, направилась к двери.

– Нам пора на завтрак.

Когда она вышла за дверь, Мария накрылась с головой одеялом и тотчас уснула.

Глава 4

Столовая была небольшой, но светлой. Высокий потолок, кафельные стены, деревянный пол. Шесть широких столов с деревянными стульями, прикрученными к полу.

Валентина посмотрела на накрытый стол у окна. Еда была скудной. Тарелка с нарезанными ломтями черного хлеба. Три тарелки овсяной каши, которая уже успела остыть. Маленькая тарелочка сливочного масла и, конечно же, чайник с заваренным чаем.

Следом за Валентиной в столовую заехал на своей коляске Даниил. Мужчина занял место в углу стола, между двумя стульями. С невозмутимым видом придвинул тарелку с кашей и начал есть.

– Приятного аппетита, – Валентина заняла место у окна. – Ну, начнем нашу трапезу. Полагаю, Мария присоединится к нам позднее.

В ответ Даниил лишь равнодушно пожал плечами. На некоторое время Валентина забыла про еду, глядя, как он ловко орудует единственной рукой. Зрелище было одновременно любопытным и, вместе с тем, отталкивающим.

Заметив ее взгляд, Даниил отложил ложку и посмотрел на нее в упор:

– Что вы пялитесь?

– Простите, если я вас смущаю, – она несколько поежилась от его ледяного тона, – просто задумалась, глядя на вас.

Ситуация была неловкой. Ей хотелось ее как-то сгладить. Женщина взяла в руки хлеб и мило улыбнулась:

– Не стоит злиться на меня, я не хотела ничего плохого. Простите, – и она стала намазывать масло.

Даниил продолжил поглощать овсянку. Однако, Валентина не унималась. Ей было скучно, а она не привыкла скучать.

– Даниил, у вас есть девушка или жена?

– Нет, ни девушки, ни жены. И вообще, оставьте меня в покое.

– Тогда расскажите немного о себе. Откуда вы и как попали в братство.

Мужчина продолжал молча есть. Когда с кашей было покончено, он придвинул к себе пустую кружку и налил чаю.

– Вы бы лучше спросили, как я стал таким. Как стал калекой и уродом.

Валентина перевела взгляд на свою нетронутую тарелку. Наладить общение не получалось.

– Что же вы не спрашиваете? Наконец-то стало неудобно. Чувствуете себя неловко? Ну раз так, я вам отвечу. Была у меня девушка, так сказать, невеста. Жили вместе пару лет, квартиру снимали. Я ее замуж звал, вот только она так просто не хотела выходить за меня. Видите ли, ей свою собственную жилплощадь подавай. Ну, я помыкался сначала. Поискал работу, да и не одну. Да только, чтобы заработать такую сумму, мне б пришлось вкалывать лет пятнадцать. В общем, я пошел служить по контракту.

Даниил замолчал. Одним залпом выпил весь чай и с грохотом поставил пустую кружку на стол.

– Так я попал в Чечню. Там такого насмотрелся, что и вспоминать не хочется. До сих пор просыпаюсь в холодном поту. Единственное, что осталось на память, так это мое искалеченное тело. Без ног и руки. Это случилось, когда мы брали один аул. Мы с товарищами вроде все просчитали. Однако, погорели на mine. Они в один раз погибли, а я стал таким, расписным красавцем. Когда вернулся домой, то моя дорогая невеста отказалась от меня. Просто собрала чемоданы и ушла. Перестала отвечать на телефонные звонки. Забыла совсем. Вскоре

вышла замуж. Я не забыл такого предательства. Сначала – смерти друзей. Затем – инвалидность, а потом и предательство любимого человека.

Его взгляд был полон ненависти. Он схватил пустую кружку и со всей силы запустил в стену. Она вдребезги разлетелась на мелкие осколки.

Следующую фразу он прокричал на весь этаж:

– Я решил спросить у Бога, за что мне это все? За что такое наказание? Что я такого сделал в своей жизни, за что он так поступил со мной? Зачем сохранил жизнь? Кому я такой нужен?

Он замолчал. Лицо исказила гримаса боли. Глаза наполнились непролитыми слезами. У Валентины от жалости сердце защемило. Всю его боль она словно ощутила на себе. Стало ужасно стыдно за свое любопытство. Она не знала, что сказать.

В коридоре послышались торопливые шаги. В столовую почти вбежал Козырев. Одним взглядом он оценил обстановку:

– Даниил, что с вами?

Но тот лишь откатил свою коляску от стола и направился к двери. Козырев проследил за ним взглядом. Даниил направился в уборную. Когда дверь за ним захлопнулась, решил пойти за ним следом.

Через некоторое время он отчетливо почувствовал запах табачного дыма. Одним пинком толкнул дверь и вошел внутрь.

Даниил смотрел на стену, задумчиво выдыхая дым. Казалось, ничто не может его отвлечь.

Козырев молча наблюдал за ним. Спустя несколько минут все-таки приблизился и посмотрел ему в лицо. Даниил беззвучно плакал. По щекам стекали слезы.

– Не смотрите на меня. Оставьте одного. Я хочу, я требую!

– Я должен измерить твое давление. Меня тревожит твое состояние.

– Знаете, я сейчас не расположен выполнять ваши приказы, доктор. Нет, так сказать, настроения.

Козырев запустил руки в карманы. Поискал там что-то и, наконец, извлек пузырек таблеток.

– Это снотворное, выпей одну сейчас и одну на ночь.

– Я не стану это пить. Все равно не поможет.

Врач приблизился на один шаг.

– Твое состояние тревожит меня. Ты хорошо спишь?

В ответ Даниил посмотрел на него с нескрываемой злостью.

– Я вообще не сплю. Может быть час, максимум два. Боюсь заснуть. Эти лица мертвецов, их стеклянный взгляд. Взгляд смерти. Я никогда не смогу забыть. И вместе с тем, не хочу видеть в своих снах. Они преследуют меня, не дают жить. Я пытаюсь не думать об этом. Пытаюсь не вспоминать, но это длится слишком мало. Только в последние полгода я немного смог контролировать себя, свои эмоции, свою жизнь. Но сегодня я вдруг вспомнил все. Все, что со мной произошло. Накатило шквальной волной. Накрыло с головой. Я вдруг осознал, что это невозможно забыть или игнорировать. Я не могу с этим справиться. Но, доктор, я хочу участвовать в эксперименте. Только поэтому я до сих пор не сошел с ума.

– Ты должен успокоиться. Я постараюсь тебе помочь.

Даниил нервно рассмеялся и снова затянулся сигаретой.

– До смерти заколите меня своими волшебными препаратами?! Да так, что я и имени своего не вспомню.

– Ты должен принять лекарство и лечь спать. Я буду наблюдать за тобой. Если замечу, что тебе не станет легче, то я назначу лечение. В таком случае об участии в эксперименте можешь забыть.

Он отчеканил это не терпящим возражений тоном. Затем развернулся и вышел за дверь. Даниил еще долго обдумывал произошедшее. Маленький пузырек мог стать для него неким спасением, пропускным билетом на эксперимент. Он с силой сжал его и решительно опустил в складки одежды.

Глава 5

Валентина раскрыла свой саквояж. Где-то на дне лежал клубок шерсти и спицы. Вязание ее всегда успокаивало.

Она размотала клубок и стала нанизывать петли. Спицы тихонько стучали в ее руках. Женщина тихо отсчитывала каждую новую петельку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.